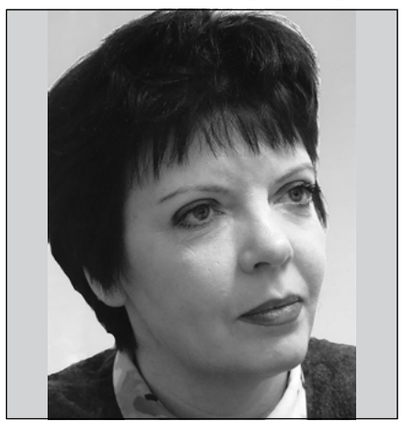
Светлана СЫРНЕВА

Северные песни



ОСЕНЬ
Как будто из земли взошла
и за ночь выросла неслышно –
один лишь раз она была,
лишь раз такая осень вышла.

Она возникла в пустоте
первоначального творенья
в своей нежданной красоте,
в своём небесном озаренье.

И старый домик, и крыльцо,
и доски старого причала
она взяла в своё кольцо
и никуда не выпускала.

О, в жар твоих багряных плит,
в подножье рощи златокрылой
студёный воздух крепко влит
и остановлен высшей силой!

И в этой строгой тишине
безмолвная, стояла школа,
и в книгах открывалась мне
вся правда русского глагола.

Таков он был, хрустальный свет
невозвратимого начала.
И было мне тринадцать лет,
и я о жизни много знала.

И здесь, в теснине под горой,
перед водою студеною
всех лет грядущих длинный строй
вдруг развернулся предо мною.

Звени, звени, моя струна,
гори, свеча, не догорая!
Восходит на небо луна
из дальнего, чужого края.

Но в день творения седьмой
оцепенеют, встанут реки,
и осень встретится с зимой,
и растворится в ней навеки.

ГОЛОС КУКУШКИ
Как на заре из небесных песочных часов
свет прибывает и копится тихо на дне –
сквозь оплетенье берёз и провалы лесов
голос кукушки
в росистой сквозит тишине.

Из средоточья ветвей,
из глубин неизведанных тех,
из палестин, где не знают ни горя, ни зла,
голос кукушки доходит, не зная помех,
словно природа
свой вещий язык обрела.

Из сердцевины миров,
упорядочив хаос больной,
из средостенья Вселенной,
на чистом дыханье одном
голос кукушки
скользит по равнине земной –
твой золотой,
безошибочный твой метроном.

Из бесконечности в вечность
летит, лишь на миг посетив,
лишь на минуту
коснувшись житья твоего,
необъяснимый, бесхитростный
этот мотив –
чистое, лёгкое жизни земной торжество.

Время и радость,
сплетённые общим жгутом,
лишь по касательной тронут
поверхность Земли
и улетят, растворившись
в пространстве пустом,
в космосе тёмном,
в безжизненной звёздной пыли.

НА СЕВЕР
С.У.

Стеною отвесной, лавиной прямой
здесь рушится ливень
из пропасти мутной.
Скорее на север! Скорее домой –
в какой-то машине –
случайной, попутной.

Пускай без дороги, пускай в никуда –
к стеклу запотелому локтем прижаться
и видеть, как в лужах вскипает вода,
как злые воронки в канавах кружатся.

Вперёд!
Из-под черного полога туч,
где грозно встаёт за заставой застава,
где бурный поток,
оборвавшийся с круч,
тебя конвоирует слева и справа –
пробиться, прорваться, уйти, убежать!
Я знаю: дорогу нащупают шины,
и пусть не сумеет меня удержать
упругая сеть Среднерусской равнины.

И времени маятник молча повис,
качнуться не смея к пределу иному.
Мы мчались на север!
Мы рушились вниз,
но вверх поднимались по шару земному.

И там, где кончается ливня межа,
открылись тебе просветлённые дали.
И в тихих озёрах лежала Тужа,
и редкие капли с берёз упадали.

А дальше – в симметрии рельсов и шпал,
в вечернем тумане,
в закате пугливом
железный Котельнич упрямо вставал
и медленно плыл
над высоким обрывом.

И ночь восставала. Но где-нибудь там
расчищено место гнездовью родному.
По улицам вдоль,
по созвездьям реклам
в последнем рывке доберёмся до дому.

Мой друг! Мы вернулись на север – туда,
где сходятся
линии жизни в пространстве,
где тихо Полярная светит звезда
в своём неподвижном,
немом постоянстве.

НОЧНОЙ КОСТЁР
Горел костёр, пылал, не уставал,
лизал огонь смолистое полено.
Он то сжимался, то опять взмывал,
как сердце затаившейся Вселенной.

И выступали вдруг из темноты
стоящие безмолвно друг за другом
и стрельчатые травы, и цветы,
таинственным сомкнувшиеся кругом.

Они смотрели молча и в упор –
родня, пришедшая по зову брата.
И был кузнечиков бессонный хор
за их стеной заботливо упрятан.

А где-то дальше притаился лес –
дремучий лес – берёзовый, сосновый.
Он тоже высился – и всё окрест
за ярусом вздымало ярус новый.

Ночной костёр! Природы зыбкий сон!
Она молчит, она не отвечает.
Созвездий и галактик пантеон
её постройки лёгкие венчает.

Один в ночи пульсирует костёр,
как смертное дитя живой природы.
Но мир огромный широко простёр
недвижные, незыблемые своды.

И мы с тобою у костра во мгле –
всего лишь лёгкие, сквозные тени,
как отпечаток древний на скале
давным-давно исчезнувших растений;

как древние обломки черепков
в пластах земли тяжёлых, монолитных,
как спрятанные в залежах веков
подобия орудий первобытных.

МОТЫЛЬКИ
И опять стемнеет. И, как встарь,
осветивший листья и кусты,
загорится матовый фонарь –
одинокий сторож темноты.

И притянут силой неземной
к средоточью мира своего,
мотыльков ночных безумный рой
закружится около него.

О, нерасторжима эта связь!
Спотыкаясь и в стекло биясь,
к фонарю стремятся мотыльки,
словно жизнь иная прервалась.

А внизу – гитары перебор,
парочки влюблённые стоят.
Но не слышит их крылатый хор,
страстью или ужасом объят.

Жители неведомых планет,
существа, не знающие нас,
бейтесь, бейтесь в одинокий свет,
будто в первый и последний раз!

Но рассвет, полнеба окропив,
тёмную разгонит синеву.
Крылышки усталые слепив,
мотыльки осыплются в траву.

Маленькие ангелы ночей,
падшие изгнанники небес,
спите под покровами лучей
в отрешённой гордости своей!

ПОСЛЕДНИЙ ДОМ
Есть на горе за рекой,
на косогоре крутом
дом одинокий, пустой,
старый, заброшенный дом.

Гибли деревни вокруг –
кто-то его сохранил,
кто-то отшельником жил,
сколько отпущено сил.

Что же наследник нейдёт
прадеда, деда, отца?
Выбиты створки ворот,
выпали доски крыльца.

Старче, воспрянь в синеве,
врытый по пояс в траве,
не позволяй никому
к сердцу пройти твоему!

По вечерам издали,
глядя лицом на закат,
ты восстаёшь из земли,
пламенем окна горят.

Сторож заросших полей,
витязь родной стороны!
Купы твоих тополей
высятся в небе, вольны.

Там у тебя соловей.
Там у тебя, старина,
белых цветущих ветвей
в мае вскипает волна.

Там, поваливши плетень,
там одичавшие, там
вишня, калина, сирень
тянутся вниз к омутам.

Сгинешь когда-то и ты –
тления не избежать.
Старых смородин кусты
будут то место держать.

Может, и надобно так –
прошлое сбросить навек.
Опустошённый маяк,
косо сечёт тебя снег.

И в непроглядную тьму
мёрзлые ветки впились…
Я не скажу, почему
мы до сих пор не сдались.

ГОСТИНЕЦ
И пока шумел карнавал,
перешедший в полночь пустую,
в этом городе снег упал
на холодную грязь густую.

Словно нищенства устыдясь,
скрыть пытался его повсюду.
В этом городе я родилась
и уехала я отсюда.

Но заснеженных крыш и плит
робкий мне поднесён гостинец,
и серебряный свет разлит
до утра по углам гостиниц.

По домам деревянным спят,
дремлют жители и народы,
что пришли и уйдут назад,
не нарушив закон природы.

И застыли, висят в снегу
полукружья ветвей и арок.
Я родня вам, но не могу
равноценный сделать подарок.

Ни полслова не проронив,
мы расстанемся завтра утром.
Удаляясь, мелькнёт залив,
просквозив вдали перламутром.

Но и скрывшись за окоём,
ты нечаянно миру явлен:
каждый куст на пути моём
в белоснежный наряд оправлен.

РЕКА
Ведь река – это тоже ручей
у истоков своих, у начала.
Золотым водопадом лучей
её раннее утро встречало.

И была она просто ничья,
и лениво струила теченье,
по соседству другого ручья
беспрестанное слушая пенье.

Это был несравненный ручей –
и соперник её, и учитель,
он катился быстрей и звончей,
и повсюду он был победитель.

В душных дебрях – то дерева ствол,
то колода, то пень, то коряга.
Вот ручей повернул и ушёл –
устремился по склону оврага.

Будет, будет ему благодать
и недолгий простор для полёта –
бочажины лесные питать,
упираться в глухие болота,

и не знать на коротком веку
под ступенчатым сводом природы,
что река превратилась в реку
и широко раскинула воды.

Ей – и баржи нести на спине,
и вращать паровые турбины,
вдаль пройтись по великой стране,
открывать города и глубины,

выходить из своих берегов,
видеть счастье народов и горе,
быть преградой живой для врагов
и в открытое вылиться море.

Ничего не решала борьба,
так уж небо, должно быть, решило.
Так уж, видно, сложилась судьба,
так на звёздах начертано было.

Не смущай же ты душу ничью:
неуместны восторг или жалость.
У холодного сна на краю
больше выбора им не осталось.

Только детство, где нету вины
и ни имени нет, ни названья,
где великий покой тишины
и великое счастье незнанья.

БАБЬЕ ЛЕТО
Закат полыхает, но тёмен восток,
таинственный миг полутьмы, полусвета.
И солнце уж село, и на землю лёг
покой равновесного бабьего лета.

Тяжёлые ветви недвижны в садах,
гурьбой георгины приникли к забору.
О, всё обратится в унынье и прах
ещё не сегодня, не завтра – но скоро.

А нынче, на самом краю пустоты,
такая наполненность жизни всевластной,
что в ней без труда различаешь черты
надмирной долины, чужой и прекрасной.

Прощальный, утешный подарок небес –
тебе он всего на мгновенье дарован.
Смотри же, смотри: вечереющий лес
приблизился, встал – и молчит, очарован.

Вечерние тени так мягко легли –
ни ветра, ни стука, ни дальнего грома.
И низко над нами летят журавли:
уже улетая, они ещё дома.

Спускайтесь всё ниже! Ищите ночлег
в тепле, где лощина ещё не остыла.
Нет, вы не увидите холод и снег –
от этого родина вас оградила.

Ночуйте! А завтра, набрав высоту
и в путь отправляясь, вы взором привета
окинете милую родину – ту,
где доброе солнце и вечное лето.

Сергей ЗУБАРЕВ

И проплываю в двух шагах от рая...

МНОГООЯЗЫЧИЕ
Когда тоска и грусть нам раны бередят,
Тогда мы говорим на языке дождя.
Но, чтоб оплакать всё,
не хватит в мире слёз.
Ведёт тропинка в луг, серебряный от рос.

Отбросит новый день
кромешной ночи плед,
И с неба золотой нам в души хлынет свет.
На светлом языке заговорит трава,
Мы верим горячо тем солнечным словам.

Серебряный ручей, смеясь, журчит у ног,
Нам кажется тогда, закат ещё далёк.
И тёплый свет внутри,
и солнце на плечах,
Весь день мы говорим на языке ручья.

А к вечеру с небес, жар-птицею паря,
Опустится на пруд вечерняя заря.
И в роще загремят ночные соловьи,
Давай поговорим на языке любви…

* * *
Ошибок прошлых не исправить,
Уже здоровье не вернуть.
Ты, прикоснувшийся к отраве,
Тогда неверный выбрал путь.

И вот безжалостное время
Пришло – заплатишь по счетам
За всё: за то, что пил не с теми,
Не в меру, не за то, не там…

Нашёл ли ты на дне стакана,
Что так отчаянно искал?
Осколки там надежд стеклянных,
Но ты ж не этого алкал.

И полный горечи и боли,
Осенний вечер сумрак льёт,
Вновь кто-то, заливая горе,
Ведёт судьбу на эшафот…

* * *
Я с вами слушал тишину,
не смея вас тревожить.
И было слышно, как летит,
сорвавшись с ветки, лист.
И он кружился и порхал,
на бабочку похожий,
И воздух пряный и хмельной
прозрачен был и чист.

И нас последней теплотой
поило бабье лето,
И пахло сыростью грибной
в дубовой роще, и
Столь щедрой осени не жаль
ни золота, ни света,
И кто бы в рощу ни вошёл,
не спросит, кто и чьи.

В лесу такая тишина! –
ни шелеста, ни дрожи.
Вы взяли за руку меня, и в этой тишине
Мы, молча, шли. И лес молчал,
боясь нас потревожить…
И было так легко молчать
в коротком этом сне.

* * *
«Я вас люблю, но братскою любовью!» –
Сказал он ей, взглянув тепло в глаза.
И переполнив безутешной болью,
Их тотчас затуманила слеза.

Вздохнула горько, глядя вдаль куда-то:
«И Каин Авеля любил как брата…».

* * *
В цветках лаванды трудится пчела,
А улетит, вслед прилетит другая.
У них весь день до сумерек дела,
За ними я бездельно наблюдаю.

Цветки, купая в солнечных лучах,
Колышет ветерок, он тих и ласков.
Вдыхаю аромат лаванды… Ах!
Её цветки волшебной пахнут сказкой.

А пчёлки всё жужжат. Ведь столько дел
С нектаром да с пыльцою золотою…
И я, бездельник, их запечатлел
В своих стихах. И я чего-то стою.

НЕ СПЕШИ
Финишная ленточка коснулась груди…
Чьей рукой отброшен назад?
Время не пришло узнать,
что ждёт впереди
За чертою: рай или ад?

На земле пройди свой
скорбный путь до конца,
Пронеся и радость, и боль.
Тяжек крест, порою тяжелее свинца,
Но несён пусть будет тобой.

А тоской терзаем, не скули и не вой,
То ли ещё будет в пути!
Душу ты свою спаси, раз ещё живой,
Чтоб ещё и чью-то спасти.

Свет с теплом даря, под этим небом гори,
Пока не порвёшь ты совсем
Финишную ленточку – полоску зари
Между миром этим и тем…

* * *
«А ваша душа пахнет хлебом», –
Чуть слышно сказала она.
И сини в осеннее небо
Как будто плеснула весна.

И вновь оно стало высоким,
Безоблачным и голубым.
А он вслед за вдохом глубоким
Себя ощутил молодым.

И чаша судьбы не испита
Ещё им до самого дна.
Под ветром волнуется жито,
И светлая песня слышна.

И хлебом запахло горячим,
И скатерть – цвела! – в васильках…
А раньше он думал иначе:
Вином окаянным пропах…

ЭЛЕГИЯ
Он боли утишал вином
И утолял вином печали,
Что даже клёны за окном
С укором головой качали.

И вечер был тосклив и мглист,
Как и вчера. Одно и то же.
К стеклу прилип кленовый лист,
Казалось, на звезду похожий.

А может, то ему был знак –
Багряный лист! – предвестник встречи?
И двери распахнул сквозняк
И горячо обнял за плечи.

Что это? Явь иль пьяный сон? –
Вот женщина в вишнёвом платье
Берёт его стакан с вином
И выливает: «Милый, хватит!..

Ты помнишь давние года?
Когда ещё ты был ребёнком
И падал, мама, как всегда,
Лечила раны лишь зелёнкой.

Ты там был счастлив без вина.
Пусть от печалей нынче больно,
Я твоя муза и должна
Сказать тебе, мой друг, довольно!

Печаль вином не утолить,
В трудах претерпевай ты скорби
Я буду рядом…». И фюить!..
И нет её, лишь ветер горбит

В порыве штору на окне.
Стакан пустой, бутылка тоже,
А пол на кухне весь в вине…
И пробежал мороз по коже!

А за распахнутым окном
Расплакались листвою клёны,
Мешали слёзы те с дождём…
Он крикнул клёну исступлённо,

Дрожащему на злом ветру:
«Не видел женщину в вишнёвом?..
Молчишь?!. Я без неё умру.
И мне, брат клён, сейчас кленово…».

«КРЫЛАТОЕ» СТИХОТВОРЕНИЕ
Сорока за строчкою строчка
Строчит сорочатам сорочки.
Бьюсь над строкой, отринув всё земное,
В минуты эти говорят мне: «Спятил
Он от стихов…». И слышу, за спиною
Вослед мне кто-то добавляет: «Дятел!».

А я всё бьюсь – хоть, может, нет резона! –
И проплываю в двух шагах от рая.
И мне в лицо смеются: «Эх, ворона!..»,
Когда опять я что-нибудь теряю.

Я время отдаю беспечно строкам,
От жизни отщипнув и днём, и ночью.
Вновь слышу смех:
«Ты не строчи, сорока, –
Нужны ли сорочатам те сорочки?..».

* * *
Запах мёда и свежего хлеба,
И дыхание русской печи
Ощущаю так явственно!.. Мне бы
Снова в детство вернуться в ночи.

Пролететь в светлых снах над Миассом*
И свернуть над лугами в тот дом,
Что стоит на Маршанской, 17,
Где цветут васильки под окном.

И от счастья заплачут ступени,
«Золотого» когда-то, крыльца.
Я вбегу с нетерпением в сени,
Те во мне не признают мальца.

Вот и в комнате я: «Здравствуй, деда!..».
Нас накроет горячей волной.
«На покос я сейчас, внучек, еду.
Снедь бери, и поедем со мной».

А в корзинке, поставленной на пол,
Молоко, хлеб горячий да мёд.
Конь буланый храпит у ворот…
В этот миг и проснусь я от храпа.

* * *
Я всю тебя ещё не прочитал,
Но горн трубит, и скоро мне – в дорогу.
И для прощанья вечер будет мал,
Хватило б сил дойти до эпилога.

Я вспоминаю всё, что я прочёл…
О, сколько было солнечного света!
И было сладко, было горячо!..
И кажется порой, да было ль это?

Но память расхохочется навзрыд,
И снова вспыхнут вешние зарницы,
И поцелуй трепещущий горит
Печатью на семнадцатой странице.

А вот страницы горечи и слёз…
Ах, было как до них легко вначале!
Ломает горе, и встаёт вопрос:
«Что может утолить твои печали?».

А что до наспех вырванных страниц, –
Они не зарастут травой забвенья.
Когда пред Ним, представ, паду я ниц,
Пролепечу там что-то про мгновенье…

Всё это будет, будет, но потом.
Пока же жадно облака глотаю.
И снежный ветер я хватаю ртом,
Смеюсь и плачу – я взахлёб читаю.

Я всю тебя ещё не прочитал…
«О чём ты говоришь?..» –
вновь слышу крики.
О чём? Да я и сам не осознал –
О женщине, о жизни или книге?..

**Миасс – река в Челябинске*

Ярослав КАУРОВ

Ночь испугает, разбудит ребячество...

* * *
Менялись моря и причалы,
Был горек безрадостный путь,
Холодные слезы печали
Теснили изнывшую грудь.

И вера ушла, и надежда,
Звучал одинокий мотив,
А сердцу хотелось как прежде
Забиться, себя ощутив.

Но внемлет открытою раной
Душа, устремленная ввысь –
В мелодию звуки органа,
Как стоны вселенной, влились.

С судьбою не может быть торга,
Любви наступает пора,
И теплые слезы восторга
Осветят еще вечера.

* * *
В пустыне,
возле гор высоких,
Стоит ковчегом
древний храм,
И, неприступны
как пророки,
Колонны рвутся к небесам.

Вот полукруга колоннада,
Всего из трёх колонн она,
А вот стоящая с фасада,
Ветрам разверстая стена.

И снова полукруга руны,
А сверху вниз, как водопад,
Звенят натянутые струны,
Что ярким серебром горят.

И непрестанно, непрестанно
Там ветер тёплый и сухой
Тревожит струны, и органом
Звучит их стон, как голос мой.

Я управляю этим ветром,
Как будто он в моей груди,
И звук на сотни километров
Поёт, волнуется, гудит!

Всё это –
гласные вселенной.
Когда же струн касаюсь я,
Течёт согласных
строй бесценный,
И так поёт душа моя!

Встают бесценные восходы,
Все краски в них воплощены,
Все прихоти земной природы
С оттенками любой страны.

Порою миражей картины
Ласкают изумлённый взор,
Как будто слепленный из глины
Иного разума узор.

Вокруг оазисом цветущим
В благоухании цветов
Кустарников зелёных кущи,
Источников прозрачных зов.

Взлетают птиц цветные стайки.
Всё длится, словно вечный сон.
В том Чудо-храме есть хозяйка,
И я навек в неё влюблён.

Дни бесконечны, ночи млечны,
И как мгновения года.
К моим услугам в храме вечность,
Но я не выйду никогда.

Огромен храм, в него два входа
Посередине с двух сторон,
Он, как бессмертная свобода,
Открыт течению времён.

Внутри лишь атриум просторный,
Всегда открытый для гостей,
Для страждущих и непокорных,
Для откровений и вестей.

В тот храм приходят караваны
Со всех земель, из всех миров,
И он залечивает раны
Бродяг, героев и купцов.

Один притвор для божьих тварей,
Другой – для избранных людей,
Что к храму караваны правят,
Взыскуя пламенных идей!

Кентавры, эльфы и сирены
Ко мне приходят как к врачу.
Я не покину эти стены,
Но, видит Бог, и не хочу!

Их повести о жизни вечны
Ночами у больших костров.
Они угрюмы и беспечны,
Рассказами платя за кров.

В пустыне, возле гор высоких,
Стоит ковчегом древний храм,
И, неприступны, как пророки,
Колонны рвутся к небесам.

Я там и пленник, и храмовник,
Птенец, встречающий рассвет,
И проповедник, и любовник,
Врач, и философ, и поэт!

* * *
Ночь испугает,
разбудит ребячество,
Жилкой в груди задрожит.
Ночь обнажает
и сразу же прячется
Сказкой, найдённой во лжи.

Правда обыденна, правда негаданна,
Правда меняется вмиг.
Кем она призвана?
Кем она задана?
Эхо она или крик?

Если сомкнутся
в прозренье видения,
Памяти падшей угар –
Правда – безумие!
Правда – падение!
Правда – забытый кошмар!

Нет, не ищи её,
тайными тропами
Не пробирайся вперёд,
Старыми ранами,
вскрывшимся опытом
Разум она отберёт!

Ночью иди по ступеням сознания,
По мотылькам облаков.
Ночью спаси
сокровенные знания
От осмысленья оков…